

Борис Степанович Житков. Метель

Книга: Б.Житков. "Джарылгач". Рассказы и повести
Издательство "Детская литература", Ленинград, 1980
OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 9 июня 2002 года

Мы с отцом на полу сидели. Отец чинил кадушку, а я держал. Клепки рассыпались, отец ругал меня, чертыхался: досадно ему, а у меня рук не хватает. Вдруг входит учительша Марья Петровна – свезти ее в Ульяновку: пять верст и дорога хорошая, катаная, – дело на святках было.

Я оглянулся, смотрю на Марью Петровну, а отец крикнул:

– Да держи ты! Рот разинул!

Мать говорит:

– Присядьте.

А Марья Петровна строго спрашивает:

– Вы мне прямо скажите: повезете или нет?

Отец в бороду говорит:

– Некому у нас везти! – И стал клепки ругать крепче прежнего.

Марья Петровна повернулась – и в двери. Мать накинула платок и, в чем была, за ней.

Я тоже подумал, что стыдно. Вся деревня знает, что мы новую пару прикупили, двух кобылок, и что санки у нас есть городские.

Мать вернулась сердитая.

– Иди, запрягай сейчас, живым духом! Я держать буду. – Оттолкнула меня и села у кадушки.

Вижу, отец молчит. Я вскочил и стал натягивать валенки. Живой рукой запряг. Торопился, а то вдруг отец передумает?

Запряг я новых кобылок в городские санки, сена навалил в ноги, сел на облучок бочком, форсисто, и заскрипел санками по улице прямо к школе.

День солнечный был, больно на снег глядеть – так блестит; парой еду, и на правой кобылке бубенчики звенят. Только кнутовищем в передок стукну – эх, как подымут вскачь! – молодые, держи только.

Чертом я подкатил к учительше под окно. Постучал в окно, кричу:

– Подано, Марья Петровна!

Сам около саней рукавицами хлопаю – рукавицы бабкины, и руки здоровые кажутся – как у большого.

Марья Петровна кричит в двери – из дверей пар, и она – как в облаке:

– Иди погрейся, – кричит, – пока мы оденемся.

– Ничего, – говорю, – мы так, нам в привычку.

Топаю около саней, шлею поправляю, посвистываю. А что? Пятнадцать лет, мужик уже скоро вполне.

Вот вышли они: Марья Петровна и Митька. Она своего Митьку завязала – глаз не видать. Весь в платках, в башлыке, чужая шуба до полу, еле идет, путается и дороги не видит. Учительша его за руку тянет. А ему тринадцатый год. Летом мы с ним играли, подрались; я ему, помню, наkostenял. Ему стыдно, что его такой тютей укутали, разгребает башлык варежкой, а я нарочно ему ноги в сеноправляю, прикрываю армяком.

– Так теплее будет.

Вскочил на облучок, ноги в сторону, обернулся:

– Трогать прикажете? – И зазвенел по дороге. Скрипят полозья – тугой снег, морозный.

Пять верст до Ульяновки мигом мы доехали. Марья Петровна Митьке все говорила:

– Да не болтай ты – надует, простудишься!

А я на кобыл покрикиваю.

В Ульяновке они у тамошней учительши гостили. А я к дядьке пошел.

Еще солнце не зашло, присылает за мной – едем.

Ульяновка, надо сказать, вся в ложбине. А кругом степь; на сто верст одни поля.

Дядька глянул в дверь и говорит:

– Вон, гляди, воронье под кручу попряталось, вон черное на самом снегу умоглось – гляди, кабы в степи-то не задуло. Уж ехать – так валяй вовсю, авось проскочишь.